

ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА И ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЛИВАН В 1958 году

Белусова Ксения Андреевна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001412-1

Большинство внешнеполитических доктрин США послевоенного периода относились к Ближнему Востоку. Доктрина Трумэна (12 марта 1947 г.) коснулась лишь преддверия Ближнего Востока — Греции и Турции, которым предлагалась помощь, чтобы спасти их от «международного коммунизма». Это стало одним из ключевых событий начала «холодной войны». Доктрина Эйзенхауэра от 5 января 1957 г. имела уже непосредственное отношение к Ближнему Востоку и была выдвинута в ответ на возможность военного конфликта, возникшего в результате попытки СССР использовать Суэцкий кризис как повод для вторжения в Египет. Доктрина гласила, что любое государство, на чей суверенитет покусятся «международный коммунизм», может попросить помощи у США. С точки зрения США, она стала логичным шагом к весьма существенному ослаблению Франции и Великобритании в регионе после провала Тройственной агрессии в Египте.

Научно-исследовательской литературы, в которой анализируется политика США на Ближнем Востоке, огромное множество¹. Упомянем также некоторые труды зарубежных авторов². Что касается литературы, так или иначе имеющей отношение к теме, то это прежде всего работы политико-биографического характера³ и посвященные гражданской войне в Ливане 1958 г.⁴ Отдельно отметим пятитомный труд А.С. Шушарина «Политология современного мира»⁵.

5 января 1957 г. президент США Дуайт Эйзенхауэр обратился со специальным и срочным посланием к Конгрессу, в котором подробно изложил намерения и методы действий правящих кругов США в отношении Ближнего Востока. В начале выступления он отметил, что Ближний Восток достиг новой и критической стадии в своей длительной и важной истории, что в прошлом многие нации там не обла-

¹ *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978; *его же.* История одного сговора (Ближневосточная политика США в 70-е — начале 80-х годов). М., 1985; *его же.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2006; *Медведко Л. И.* К востоку и западу от Суэца (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М., 1980; *его же.* Этот Ближний бурлящий Восток. М., 1985; *Медведко Л. И., Медведко С. Л.* Восток — дело близкое, Иерусалим — святое. М., 2009; *Согрин В. В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011; *его же.* США в XX—XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.

² *Barnet R. J.* The Roots of War: The Men and Institutions behind US Foreign Policy. Baltimore, 1972; *Quandt W.* Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict. 1967—1976. Berely, 1977; *Dallek R.* The American Style of Foreign Policy. New York, 1983; *Stivers W.* America's Confrontation with Revolutionary Change in the Middle East, 1948 — 1983. London, 1986; *Le Loup Lance T.* Politics in America. St. Paul (MN), 1991; *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.

³ *Noopes T.* The Devil and John Foster Dulles. Boston, 1973; *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983; *его же.* Генерал в Белом доме. Смоленск, 2000; *Тимофеев И.* Камаль Джумблат. М., 2003.

⁴ Провал доктрины Эйзенхауэра. М., 1958; *Qubain F.* Crisis in Lebanon. Washington, 1961; *Salibi K.* The Modern History of Lebanon. London, 1965; *idem.* Crossroads to Civil War, Lebanon 1956—1976. New York, 1976.

⁵ *Шушарин А. С.* Политология современного мира, в 5 т. М., 2005.

дали полной самостоятельностью, а большей властью в этом регионе пользовались другие страны и безопасность Ближнего Востока в значительной степени основывалась на их мощи. Однако после Первой мировой войны, с точки зрения президента, там отмечалась неуклонная эволюция к самоуправлению и независимости. Эйзенхауэр обвинял СССР в стремлении добиться господства на Ближнем Востоке, пытаясь убедить членов Конгресса, что на Ближнем Востоке образовался «вакуум сил», который Соединенные Штаты должны заполнить.

Вторая мировая война не только показала важность нефти, но и явилась катализатором процесса перехода с угля на более удобный вид источников энергии. Еще в 1950 г. было отмечено, что «сила и надежность союзников США в Европе зависят от того, насколько уверенно американские, а также английские монополии смогут вкладывать свои капиталы и бесперебойно эксплуатировать нефтеносные земли Ближнего Востока»⁶. Эйзенхауэр как будто предвосхищал будущее, когда писал о том, что экономика Европы фатально зависит от ближневосточной нефти, и если источники поставки будут перекрыты, то Соединенные Штаты столкнутся с большими трудностями⁷. Другими словами, растущее потребление энергии делало западные державы в высшей степени зависимыми от их стабильного положения на Ближнем Востоке. Именно эту стабильность должна была обеспечить доктрина Эйзенхауэра.

Характерно, что в октябре 1956 г. председатель правления рокфеллеровской «Стандард ойл компани оф Калифорния» Фоллис направил американскому правительству секретный меморандум, где говорилось о необходимости принятия мер по обеспечению неприкосновенности контрактов, заключенных американскими нефтяными компаниями в странах Ближнего Востока. В декабре того же года председатель «Морган Дж. П. энд компани» Г. Александер призвал выработать американскую доктрину для Ближнего и Среднего Востока. В те годы Соединенным Штатам была выгодна политика сбережения собственных нефтяных ресурсов. Что же касается нефти Ближнего Востока, то особенность залегания пластов характеризуется там удобством добычи и их исключительной мощностью.

Обосновывая свою политику, Эйзенхауэр говорил о том, что Ближний Восток является воротами между Евразией и Африкой, а Суэцкий канал дает возможность нациям развивать торговлю, что существенно, так как эти страны должны поддерживать гармоничную и процветающую экономику⁸.

Доктрина могла разрешить и целый ряд политических задач. Прежде всего она была направлена против СССР и должна была сыграть весомую роль в осуществлении планов его «окружения». «Военно-воздушные операции с ближневосточных баз или с кораблей Шестого флота, — говорилось в послании Конгрессу, — легко (без дозаправки горючим в воздухе) охватывают Дарданеллы, кавказские нефтяные промыслы... промышленный комплекс Дон — Волга — Южный Урал. В тотальной ядерной войне это преимущество может быть использовано только в течение нескольких часов, и, возможно, эти часы окажутся жизненно решающими. В ограниченной войне эта позиция дает так много стратегических выгод, что будут оправданы интенсивные усилия удержать и защитить ее... Доктрина Эйзенхауэра означает, что наша граница ныне фактически находится на Кавказе»⁹.

Американский истеблишмент понимал, что Советский Союз не пойдет на грубые военные действия в регионе Ближнего Востока, но может использовать в своих интересах «антизападную ориентацию ультранационалистических элементов», чтобы изгнать из ближневосточных стран «иностранцев и их собственность»¹⁰. Ситуа-

⁶ Commercial and Financial Chronicle, 21.XII.1950, p. 5.

⁷ The Eisenhower Diaries. Ed. by R. H. Ferrell. New York, 1981, p. 319.

⁸ Special Message to the Congress on the Situation in the Middle East, 5 January 1957. — Public Papers of President Eisenhower. Washington, 1957, p. 7—8.

⁹ Foreign Affairs, July 1957, p. 658—659, 665.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. Washington, 1950, p. 240—241.

ция для США складывалась критическая. Первый вариант выхода из нее виделся в сотрудничестве с национальными правительствами Ближнего Востока и привлечении их к союзу, хотя бы и нейтральному, но все-таки больше прозападному. Вторым вариантом была возможность по максимуму сохранить все прозападные силы в регионе, которые в свою очередь стояли в оппозиции националистам.

Выбор был непростым. Теоретически американские политологи понимали силу арабского национализма, необходимость для Запада найти ему место в «своем мире», хотя бы для того, чтобы его не использовал Советский Союз — единственная великая держава, которая поддерживала национальные партии и движения на Востоке. На практике реализовать эту цель оказалось невозможно, поскольку ближневосточный национализм являл собой угрозу привычному порядку вещей. Весьма красноречиво описал доктрину Эйзенхауэра Е. М. Примаков — как «конечный флирт с арабским национализмом»¹¹.

Еще одной политической целью доктрины была поддержка Израиля, поскольку во время Суэцкого кризиса США поддержали Египет, который политически окреп, а Насер стал бесспорным лидером всех прогрессивных сил арабского мира. После провозглашения доктрины посол США, видимо, получив инструктаж из Вашингтона, даже изменил тон в разговорах с Насером. Когда Насер сказал ему, что он «стремится улучшить отношения с США», американский посол «от имени президента Эйзенхауэра» ответил: «Пока вы, египетское правительство, близки к Советскому Союзу, мы не можем пойти ни на помощь вам, ни на улучшение наших отношений»¹².

Политической целью доктрины являлось также поднятие престижа Багдадского пакта, существенно подорванного Англией. Сразу после агрессии Госдепартамент опубликовал специальное заявление, в котором Соединенные Штаты пытались показать себя единственными истинными защитниками интересов пакта¹³, что было продемонстрировано в марте 1957 г., когда США официально объявили о своем вступлении в военный комитет пакта.

Кроме того, доктрина Эйзенхауэра была направлена на ослабление соперников из числа союзников Соединенных Штатов. Госсекретарь Дж. Ф. Даллес, давая объяснения по поводу доктрины в комиссии Конгресса 15 января 1957 г., заявил, что доктрина не была предварительно согласована с Англией и Францией и что США не намерены привлекать их к сотрудничеству при осуществлении программы экономической помощи на Ближнем Востоке. Чуть раньше английскому и французскому министрам Госдепартамент ответил: «Могла же Англия вытеснить французов (с Ближнего Востока. — К. Б.) после Второй мировой войны, а история повторяется»¹⁴.

Доктрина, которая обсуждалась как политическими и военными деятелями в Совете национальной безопасности и Объединенном комитете начальников штабов, так и виднейшими учеными¹⁵, отвечала запросам всей элиты американского общества. Она получила большинство голосов в Конгрессе: из 435 его членов и 100 сенаторов против были только 61 и 19 соответственно. Споры сенаторов и конгрессменов, хотя и долгие, сводились к вопросу о предоставлении широких прав президенту, что могло вовлечь страну в конфликт вроде корейского.

Резолюция Конгресса была одобрена Сенатом 5 марта и 7 марта — палатой представителей¹⁶, 9 марта она была подписана президентом. Согласно резолюции, состоявшей из шести пунктов, президент США получал право предоставлять государствам Ближнего Востока военную и экономическую помощь и использовать по

¹¹ Примаков Е. М. Ближний Восток на сцене и за кулисами, с. 97.

¹² Цит. по: там же.

¹³ The Department of State Bulletin, December 10, 1956, p. 918.

¹⁴ The New York Times, 9.XII.1956.

¹⁵ Eisenhower D. Mandate for Change 1953—1956. New York, 1963, p. 137, 171, 237.

¹⁶ Congressional Record, March 5, 1957, p. 2776; March 7, 1957, p. 2891.

своему усмотрению американские вооруженные силы в этом регионе. Под предлогом защиты независимости стран Ближнего Востока это право давало возможность использовать «вооруженные силы для оказания помощи любой стране или группе стран, нуждающихся в ней, против вооруженной агрессии со стороны какой-либо страны, контролируемой международным коммунизмом»¹⁷. Для вооруженного вмешательства США необходимо было обращение правительства данной страны к правительству Соединенных Штатов с просьбой о помощи. Согласно резолюции, дважды в год президент должен был отчитываться перед Конгрессом о своих действиях.

Таким образом, доктрина предоставляла президенту неограниченные полномочия, обычно действовавшие во время войны, что говорило о значении, которое придавалось этому региону.

Доктрина Эйзенхауэра юридически закрепила лидирующее положение США после Суэцкого кризиса 1956 г. По своей сути она нарушала ряд положений Устава ООН и международного права в целом — по статьям о вмешательстве во внутренние дела других государств и осуществлении контроля над их внешней политикой.

* * *

Реализация доктрины Эйзенхауэра началась еще до ее одобрения в Конгрессе. Основным планирующим органом стал Совместный плановый комитет по Ближнему Востоку, ответственный перед Объединенным комитетом начальников штабов.

Кампания по пропаганде доктрины началась фактически сразу же после обращения президента в Конгресс. Причем по Магрибу специализировался вице-президент Ричард Никсон, а по Машрику — специальный помощник президента по проблемам Ближнего Востока Джеймс Ричардс. Однако изначально США приходилось опираться на Багдадский пакт. 21 января 1957 г. в Анкаре проходило совещание стран — участниц Багдадского пакта, в частности Турции, Ирана и Ирака, которые и приняли доктрину Эйзенхауэра. Также безоговорочно принял ее и Израиль. Ливан, Ливия и Эфиопия высказались за возможность принятия американской помощи на основе доктрины Эйзенхауэра, но заявили, что речь может идти только об экономической помощи, без каких-либо политических условий и вмешательств в их внутренние дела.

Несколькими днями ранее в Каире состоялось совещание глав арабских стран, в котором приняли участие президент Египетской республики Насер, премьер-министр Сирии Асали, король Саудовской Аравии Сауд, король Иордании Хусейн и премьер-министр Иордании Набулси. Доктрина Эйзенхауэра и теория «вакуума» были ими отвергнуты. Но во время февральского совещания глав четырех арабских государств четкого отношения к доктрине выражено не было. Весьма вероятно, что это было связано с миссией Никсона, который в феврале 1957 г. во главе правительственной делегации отправился с официальным визитом в Африку. В Гане он представлял США на церемонии по случаю образования нового государства, а в Тунисе — на празднике независимости страны. Заодно он посетил Либерию, Марокко, Ливию, Судан, Эфиопию и Уганду. Цель его поездки заключалась в том, чтобы выяснить ситуацию в африканских странах, показать положительное отношение к ним США и тем самым создать благоприятную атмосферу для дальнейших действий.

За месяц до этого американцы проявляли активность по созданию так называемого Союза Северной Африки в составе Туниса, Марокко, Ливии и позднее Алжира. Главным инициатором создания такого союза был премьер-министр Туниса¹⁸. Самое крупное государство Северной Африки, Египет, не входил в проект,

¹⁷ U.S. Department of State, American Foreign Policy: Current Documents. Washington, 1957, p. 784—785, 798.

¹⁸ Ближневосточный конфликт. Из документов архива внешней политики РФ, в 2 т. М., 2003, т. 2, док. 1.

т.е. оказывался в изоляции. По имевшимся у начальника канцелярии президента Египта Али Сабри данным, американцы во время пребывания премьер-министра Туниса Бургибы в США сумели убедить его в том, что они смогут урегулировать с Францией все нерешенные вопросы Туниса, а также Марокко и Алжира, и одновременно пообещали экономическую помощь. В период агрессии против Египта сильному нажиму со стороны американцев подвергалась Ливия: они доказывали ливийскому королю и правительству, что главную опасность для Ливии представляет сильный Египет. Американцы и раньше хотели привести в действие план по организации Союза Северной Африки, но Франция решительно сопротивлялась этим попыткам — вплоть до угрозы выйти из НАТО. Теперь, после неудачи англичан и французов, зависимость Франции от США неимоверно возросла, в силу чего этот план стал реальным¹⁹.

В марте 1957 г. ситуация немного изменилась в связи с миссией Джеймса Ричардса, который посетил 15 государств. Призывая эти страны принять доктрину, он обещал им экономическую и материальную помощь. Надо отметить, что доктрина Эйзенхауэра, как и многие другие инициативы США, имела взяточнический характер: в ней было прописано, что те страны, которые ее примут, получают помощь. Конечно же, государства, еще не определившиеся в своем глобальном направлении, иными словами, колебавшиеся между СССР и США, а такими изобилует Ближний Восток, склонялись к принятию доктрины, надеясь на получение денег. Но в итоге Йемен и Судан уклонились, Иордания по-прежнему колебалась, а Сирия отвергла. Правительства Турции, Ирака, Ирана и Пакистана приняли помощь по доктрине и согласились компенсировать ее опубликованием совместного коммюнике, изданного специальной комиссией Ричардса, где они клеймили «международный коммунизм».

Разумеется, что в связи с менявшейся политической ситуацией менялось и отношение к доктрине. Так, примерно к середине 1958 г. доктрина Эйзенхауэра была официально одобрена Ливаном, Израилем, Ираном, Афганистаном, Эфиопией и Ливией; отклонена Египтом, Сирией, Ираком и Йеменом; не определили официального отношения к ней Саудовская Аравия, Иордания и Судан.

Отношение к доктрине Эйзенхауэра разделило страны Ближнего Востока в 1957 г. на два лагеря: все консервативные, реакционные, антикоммунистические силы, почуствовав поддержку американцев, начали связывать свою дальнейшую судьбу с Соединенными Штатами. Поэтому поддержка доктрины Эйзенхауэра должна определяться не столько официальным заявлением о ее признании той или иной страной, сколько развитием дальнейших событий.

* * *

Американские аналитики рассматривали Ливан как одно из самых прозападных государств в регионе. Пока его приверженность Западу не оставляла сомнений, внимание США было сконцентрировано на других, более важных ближневосточных проблемах, таких, как положение в Египте, Саудовской Аравии, развитие палестино-израильского конфликта. Однако когда выявилась угроза стабильности политического режима Ливана, внимание американцев к Бейруту усилилось.

Равновесие этнорелигиозной составляющей Ливана основывалось на Национальном пакте и через сложную систему разделения властей влияло не только на внутреннюю ситуацию, но и на внешнюю политику. Ключевым положением Пакта являлось сотрудничество христианских и мусульманских политиков в определенных пропорциях. Нарушение этого равновесия, т.е. укрепление или ослабление той или иной общины, воздействовало на изменение политического курса страны. Хрупкость политической системы позволяла западным державам все глубже проникать в Ливан, оказывать давление на него, тем самым усугубляя и без того шаткое

¹⁹ Там же, док. 2.

равновесие в стране. Научные исследования в США по Ближнему Востоку проводились соразмерно их интересам в этом регионе. Что касается Ливана, то во время кризиса 1958 г. американские исследователи вопреки серьезной эмпирической базе не смогли определить практическое применение своих прогнозов.

Для понимания оценки Соединенными Штатами Ливана в те годы необходимо обратиться к ряду документов, относящихся к более раннему периоду. Анализируя доклады ЦРУ, можно сделать вывод, что прозападный настрой политической элиты Ливана приветствовался в США²⁰. Однако ценность документов заключается в том, что, как следует из них, американские исследователи абсолютно не понимали сущности страны. В докладах ЦРУ приводились такие аксиомы, как необходимость доступа на Ближний Восток, угроза со стороны СССР, чье влияние могло распространиться на государства Персидского залива и другие районы, которые могли бы служить потенциальными военными базами²¹. «Советская опасность» связывалась с неразрешимостью некоторых региональных конфликтов, и главным из них был палестино-израильский. В отчете 1948 г. мнениям арабских лидеров было уделено меньше внимания, чем ожидаемому протесту арабских националистов в связи с палестинской проблемой²².

Как уже было сказано, в те годы Вашингтон все еще видел два возможных варианта осуществления своих интересов: сотрудничество с националистическими правительствами с долговременной целью привести их к прозападной ориентации либо поддержка традиционного статус-кво, иными словами, вся возможная помощь прозападным правительствам в регионе²³. Однако уже в докладе ЦРУ от 1946 г. стратегия в конечном счете была подчинена поддержке традиционной политической элиты²⁴, хотя одновременно она же критиковалась за свою неспособность адекватно реагировать на необходимые реформы и желание к объединению.

Что касается Ливана, то внимание аналитиков было сосредоточено на полиэтничности, многоконфессиональности страны, что определяло ее сложную политическую структуру, которая являла собой триумф религиозно-политических компромиссов²⁵. В докладе ЦРУ отмечалось, что отсутствие последней переписи населения отразило нежелание властей афишировать рост мусульманского населения, причем это вывод был сделан на основании независимого исследования²⁶.

В документах ЦРУ четко видна тенденция свести политическую систему Ливана, а также внешнюю политику страны к христианско-мусульманскому консенсусу. Более того, в докладе ЦРУ приводились и сравнивались опасения и чаяния каждой группы. Христианская элита опасалась своих мусульманских стран-соседей, мусульмане Ливана сетовали по поводу прозападной (профранцузской) ориентации культуры и политической системы. Особое внимание уделялось отношению Ливана к Израилю. Несмотря на то что ливанское правительство преуменьшало религиозные разногласия, влияющие на региональную политику государства, в докладе был сделан вывод, что внешняя политика Ливана отражает разделение населения страны на христианскую и мусульманскую общины. Там же подчеркивалось, что, хотя ливанское правительство и пыталось любыми способами нивелировать это религиозное разделение, чтобы подчеркнуть арабизм, поддержать Арабскую Лигу, проти-

²⁰ Declassified Documents Quarterly Catalogs. Washington, Joint Chiefs of Staff Decision on JCS 1887/340, 1 February 1957, A Report by the Joint Committee on Programs for Military Assistance (in Collaboration with the Joint Strategic Plans Committee, and the Joint Logistics Plans Committee) on Military Aid for the Middle East, v. 6, № 2, April — June 1980, p. 153—158.

²¹ Central Intelligence Agency (далее — C.I.A.), Research Reports: Middle East, 1946—1976. Frederick (MD), 1982, C.I.A. Report on the Arab States for the President, 27 September 1948, p. 1.

²² Ibid., p. 2.

²³ Microfilm Collection. Frederick, 1982, United States Objectives and Policies with Respect to the Arab States and Israel, NSC Staff Study 129/1, 24 April 1952.

²⁴ C.I.A. Research Reports: Middle East, 1946—1976, C.I.A. Report on the Arab States, p. 1, 10, 66.

²⁵ Ibid., p. 10.

²⁶ Ibid., p. 66.

воречивые интересы этих двух групп населения все равно постоянно воздействовали на политику. Христиане-ливанцы были убеждены, что еврейское население в Палестине может оказаться для них ценным потенциальным союзником против мусульманского арабского мира. В значительной степени в результате этого участие Ливана в борьбе с Израилем было скромным. Хотя израильские силы в то время занимали отдельные районы в южном Ливане, ливанское правительство, надеясь на будущие отношения с Израилем, предпочло не обращаться с жалобой в ООН²⁷.

Вполне объяснимо, почему в докладе ЦРУ отведено большое место палестинской проблеме с точки зрения Ливана. Правительство страны, не обладая военной силой, не имело и политического намерения разрешить палестинско-израильский конфликт. Наплыв палестинских беженцев вызывал озабоченность ливанских властей, особенно в связи с тем, что они могли привести определенный радикализм.

Таким образом, кроме необходимости поддержки ливанского правительства при всей сложности и нестабильности политической системы страны в докладе ЦРУ предлагалось такое разрешение внутренних и региональных конфликтов, которое послужило бы интересам США²⁸.

В докладах Совета национальной безопасности, которые имели более общий характер, была предпринята попытка дать рекомендации политикам США в регионе в целом. Задачи исследования СНБ 129/1 подразумевались в его заголовке «Цели и политика США по отношению к арабским государствам и Израилю» и включали в себя «нефть, сооружения, коммуникации и стратегические возможности», что в свою очередь могло потребовать «использования военных баз и свободного передвижения сил обороны по большей части территории». Было обозначено пять основных политических задач: преодолеть или предотвратить нестабильность в тех странах, которые могут угрожать интересам Запада; помешать распространению влияния СССР в регионе; обеспечить доступ к ресурсам для США и их союзников с целью использования этих ресурсов для укрепления «свободного мира»; укрепить волю и способность этих стран противостоять возможной в будущем агрессии Советского Союза; установить новые связи между теми государствами региона, которые признают желание достичь статуса и уважения своего суверенного равенства²⁹. Разработки СНБ предполагали уделить особое внимание региону вследствие «непрерывной холодной войны»³⁰ и не исключали интервенцию.

Существовавший политический порядок в Ливане, отмечалось в докладах СНБ, более не отвечал социальной расстановке сил: шиитское население выросло, но это не отразилось на системе разделения властей, господство правящей элиты принимало гипертрофированные формы, религиозные противоречия обострялись, а решения конфликта не было³¹. С точки зрения ливанского истеблишмента, самой непредсказуемой группой населения, а значит, самой опасной являлось крестьянство, потенциальные возможности радикализации которого вызывали серьезное беспокойство. Другим фактором, оказывавшим давление на политическую элиту, стала поддержка населением страны антизападных акций, обличавших интересы иностранных государств. В исследовании прослеживались три возможных варианта развития событий: первый — политическая элита идет на компромисс и остается у руля; второй — она вытесняется, если не идет на уступки, и третий — политики идут на компромисс, однако их позиции оказываются шаткими.

Эти неизбежные изменения, а главное — их последствия представляли особую сложность в выработке стратегии США. В докладе СНБ 129/1 отмечено, что «задача заключается не столько в том, чтобы воспрепятствовать возникшим изменениям, сколько в том, чтобы направить их в то русло, где бы они представили наименьшую

²⁷ Ibid., p. 39—40.

²⁸ Ibid., p. 53.

²⁹ Microfilm Collection, United States Objectives, p. 11.

³⁰ Ibid., p. 12.

³¹ Ibid., p. 13.

угрозу интересам западных стран и максимально гарантировали интересы прозападных режимов»³². Разработчики доклада считали необходимым готовить «компетентных прозападных лидеров по специально разработанным программам, включающим, в частности, подготовку и помощь даже потенциальным лидерам. Когда же они придут к власти, мы будем работать с ними настолько в тесном контакте, насколько характер их страны позволит это сделать, и окажем им посильную помощь... В наших собственных интересах не пугаться ксенофобных лозунгов, которыми эти лидеры могут пользоваться, напротив, мы должны делать все возможное, чтобы поддерживать их у власти в тех случаях, когда они предлагают перспективу длительного, прочного, эффективного, некоммунистического правительства»³³.

В какой-то степени эти документы теоретически оснастили доктрину Эйзенхауэра с ее ставкой на поддержку традиционного статус-кво и, соответственно, исключили стратегию сотрудничества с националистическими силами.

Ливанский кризис 1958 г., являвший собой противоборство внутренних сил, о чем говорилось и в отчете СНБ, для администрации Эйзенхауэра послужил поводом к интервенции, целью которой было сдерживание фундаментальных изменений в Ливане. Отметим, что отношения Ливана с Советским Союзом отслеживались самым тщательным образом, но, поскольку Ливан оставался приверженцем Запада, его «нейтралитет» рассматривался в пользу последнего. Советники Эйзенхауэра предвидели важную роль Ливана как посредника в арабо-израильском конфликте, но куда более их беспокоило усиление влияния Насера.

Вашингтон всячески старался укрепить отношения со своими более гибкими союзниками, и Ливан был одним из таких. Как отмечал Даллес, «мы постараемся усилить прозападные элементы в Ливане, поэтому немедленно предлагаем экономическую помощь в виде дотаций и ссуд для осуществления проектов, предназначенных оказывать самое благоприятное влияние на общественное мнение»³⁴. Военные фактически копировали точку зрения государственного секретаря. Так, спустя два месяца после выступления Даллеса Объединенный комитет по программам военной помощи Ближнему Востоку опубликовал отчет, где Ливан был охарактеризован не только как проамериканский и прозападный вообще, но и как «наименее непримиримый из арабских государств по отношению к Израилю»³⁵. Военные обозначили и другие «достоинства» страны — порты, коммуникации и базы, «которые можно было бы обеспечивать в случае обороны Ближнего Востока». Комитет рекомендовал, чтобы в случае необходимости Ливану продавали оружие, боеприпасы и др.³⁶ В прошлом ливанское правительство потратило относительно мало средств на американское вооружение, вдохновив тем самым комитет на поддержку предстоявших программ, разрабатываемых Министерством обороны США.

К концу 1957 г., по оценке Управления по координации операций при СНБ, обстановка для США в регионе была положительной и доказательством тому служила поддержка Ливаном доктрины Эйзенхауэра³⁷. В отчетах Управления указывалось на тот факт, что союзники США в регионе успешно сдерживали влияние Египта, Сирии и СССР и среди них особенно отличились Иордания и Саудовская Аравия, вступившие в «более тесное сотрудничество с проамериканскими, антиегипетскими и антисоветскими государствами — Ираком и Ливаном»³⁸.

³² Ibid., p. 20.

³³ Ibid., p. 22.

³⁴ Declassified Documents Quarterly Catalogs. Washington, 1976, Memorandum, 24 March 1956, John Foster Dulles Papers, v. 11, № 1 (January — March 1983), № 001054, p. 55.

³⁵ Ibid., A Report by the Joint Committee..., p. 1.

³⁶ Ibid., p. 26—27.

³⁷ The Department of State Bulletin, v. 36 (25 March 1957). Washington, 1976, p. 481.

³⁸ Microfilm Collection, NSC Progress Report on United States Objectives and Policies with Respect to the Near East, 7 August 1957 by the Operations Coordinating Board, NSC/5428, p. 1.

Президент Ливана Камиль Шамун был политиком прозападного толка. Со времен заключения Багдадского пакта Шамун стал серьезно опираться на Запад. Так, после Суэцкого кризиса он отказался разорвать дипломатические отношения с Англией или Францией, в отличие от руководителей других арабских стран. Однако одной из самых серьезных ошибок президента Шамуна было соглашение 1957 г. о сотрудничестве с США по доктрине Эйзенхауэра. Представляют интерес воспоминания самого Шамуна, где он пытается оправдаться перед читателем³⁹. Несомненно, что склонил Шамуна к соглашению с американцами его будущий министр Шарль Малик, использовав те доводы, что Ливан получит большую экономическую помощь. Результатом переговоров Ричардса с Шамуном, состоявшихся 14—16 марта, стало совместное заявление, подтверждавшее стремление сторон к сотрудничеству в рамках доктрины Эйзенхауэра. Помимо гарантий силового вмешательства США в случае возникновения угрозы режиму Ливана Шамуну была обещана финансовая помощь в реализации ряда программ в сфере модернизации вооруженных сил.

6 апреля 1957 г. в знак протеста против доктрины Эйзенхауэра подали в отставку такие важные политические фигуры Ливана, как Рашид Караме, Сабри Хамадах, Ахмад Асад, его сын Камел и Хамид Франжье, возглавлявшие избирательные единицы в Триполи и окрестностях, северной Бекаа, южном Ливане и Згарте соответственно. Таким образом, в результате политики Шамуна была нарушена территориальная основа, которая являлась одним из важных факторов суверенитета страны, а главное — его политической стабильности. Шамун мог бы вновь обрести союзников, если бы смягчил свою позицию. Вместо этого он назначил на должность министра иностранных дел Шарля Малика, явного прозападника.

Вопрос о присоединении к доктрине был вынесен на обсуждение парламента. В канун его заседания на рейде бейрутского порта появился американский авианосец «Форрестол». Реактивные истребители, поднявшиеся с его палубы, с ревом пронесли над Бейрутом. Министры правительства и депутаты парламента еще до заседания были приглашены посетить американский авианосец. Экскурсия произвела на них неизгладимое впечатление.

Принимая доктрину Эйзенхауэра, ливанское правительство подорвало позицию страны на Ближнем Востоке, поскольку Ливан лишь усугубил внутренний раскол в регионе.

На ливанских мусульман серьезное влияние оказывал авторитет Насера, его панарабизм. Соглашение с американцами повлекло за собой поляризацию сил между правыми националистами и панарабистами и окончательно испортило отношения Шамуна с Насером. Рост сторонников Насера в мусульманских районах Ливана вызывал противодействие в христианских общинах, и прежде всего в маронитской среде. Ситуация обострилась из-за парламентских выборов 1957 г., в которых победили прошамунские кандидаты, а сторонники пронасеровской позиции проиграли. Последние обвинили президента во вмешательстве в выборы. В дни выборов в порту Бейрута вновь появились корабли Шестого флота США, а над городом пронесли реактивные самолеты.

Результаты выборов 1957 г., безусловно, оказались подтасованными, и причастны к этому были как силы внутренние, так и внешние. Резидентом ЦРУ в Ливане в то время был В. К. Ивлэнд, в частности, занимавшийся организацией американской финансовой поддержки для прошамунских депутатов. Ивлэнд признавался: «В течение всех выборов я постоянно ездил в президентский дворец с чемоданом, полным ливанских фунтов, и затем возвращался обратно поздно ночью в посольство»⁴⁰. По его словам, в Бейруте, который стал центром тайных операций, подчиненных доктрине Эйзенхауэра, в его распоряжении была целая «империя», куда входили и американские агенты, и преданные ему агенты английской секрет-

³⁹ *Chamoune C. Crise au Moyen-Orient. Paris, 1963, p. 219—313.*

⁴⁰ *Eveland W.C. Ropes of Sand: America's Failure in the Middle East. New York, 1980, p. 252.*

ной службы (Secret Intelligence Service), а также представители разведок ряда реакционных арабских режимов⁴¹. Вмешательство США в выборы 1957 г. было действительно вопиющим. Американский посол Дональд Хит лично просматривал списки кандидатов в депутаты парламента и вычеркивал из них фамилии не устраивавших его политиков⁴².

Шамун был избран президентом страны. За свою должность он заплатил разрывом с ведущими политическими лидерами Ливана, представлявшими на общественном уровне суннитов, шиитов и друзов, а на региональном — Триполи, Горный и Южный Ливан. Это свело на нет его попытки создать сильное центральное правительство. Добившись поражения таких лидеров, как Салам и Джумблат, он уничтожил дух компромисса, тот баланс сил, без которого Ливан не мог выжить.

Оппозиция организовала Объединенный национальный фронт (ОНФ), который объединил ряд партий — Прогрессивно-социалистическую (ПСП) во главе с К. Джумблатом, партию Аль-Найада Аднана Хакима, партию шиитского лидера Али Бизри, Национальную организацию Мухаммеда Халида, и таких лидеров, как Салам, Филипп Такла, Йафи и Саад. Фронт получил поддержку и ведущих христианских лидеров — Генри Фараоха, Шарля Хилу, Хамида Франжье, Филиппа Таклы и бывшего президента Хури. Маронитский патриарх аль-Мауши осудил политику президента. Чтобы примирить две враждующие стороны, был создан союз «Третья сила», в руководстве которого были два ведущих журналиста — Джордж Наккаш и Хасан Тувайни.

Шамуну поддерживали Сами ас-Сулх, рисковавший потерять доверие мусульман, Маджид Арслан, главный противник Джумблата, Раймонд Эдде, партия Катаиб во главе с Пьером Джумаилом и Национально-социальная партия (НСП).

К январю 1958 г. Эйзенхауэр стал настаивать на более тесном сотрудничестве с союзниками США — Ираком, Ливаном, Иорданией и Саудовской Аравией — в противовес силам национализма⁴³.

Образование Объединенной Арабской Республики (ОАР) в феврале 1958 г. было встречено волной демонстраций ливанских мусульман-суннитов. Представители ОНФ посетили Дамаск, чтобы поздравить президента аль-Куатли и отметить его роль в создании новой страны. Куатли в свою очередь предложил им последовать примеру Сирии и Египта. Ливанские оппозиционные лидеры, в частности Р. Караме и К. Джумблат, получили из ОАР оружие, людей и финансовую помощь для защиты своих позиций⁴⁴.

К маю 1958 г. в Ливане сформировались два противоборствующих лагеря, которые располагали всем необходимым для начала вооруженной борьбы. Повод не заставил себя ждать. В дом Сами ас-Сулха, преданного Шамуну, была брошена бомба. Ответным шагом стало убийство издателя и владельца антишамунской газеты «Телеграф» Насиба аль-Матни. Это и послужило поводом к началу гражданской войны в Ливане.

На встрече лидеров оппозиции прозвучал призыв к всеобщему восстанию с основным требованием немедленного освобождения Шамуна от его должности. Джумблат был делегатом от Горного Ливана, Салам превратил подконтрольный ему район Бейрута — Баст — в вооруженную крепость, Рашид Караме должен был руководить борьбой в Триполи, а Маруф Саад — в Сайде. К середине мая оппозиция контролировала две трети территории Ливана.

Шамун не хотел уходить с занимаемого поста, но не смог склонить на свою сторону генерала Фуада Шихаба, а значит, и ливанскую армию и поэтому решил

⁴¹ Ibid., p. 241—246.

⁴² Тимофеев И. Указ. соч., с. 226.

⁴³ Declassified Documents Quarterly Catalogs, Memorandum for the President from Christian Herter, Acting Secretary, 30 January 1958, v. 9, № 1 (January — March 1983), № 00160.

⁴⁴ Hasou T. Y. The Struggle for the Arab World. Egypt's Nasser and the Arab League. London, 1985, p. 92.

«интернационализировать» конфликт, точнее «американизировать» его. Поводом для этого послужило нападение с сирийской территории на таможню в Масна, что дало официальному Бейруту основание обвинить ОАР во вмешательстве во внутренние дела Ливана. Немалую роль здесь сыграл министр иностранных дел Ливана Ш. Малик. Его проамериканская позиция была настолько откровенна, что на одном из заседаний ООН, когда после выступления представителя США слово попросил Малик, представитель СССР Вышинский сказал: «Мы только что заслушали представителя США, и нет необходимости нам слушать его второй раз»⁴⁵.

13 мая Шамун спросил американского, английского и французского послов, как их правительства отнесутся к ливанской просьбе о военной помощи. Эйзенхауэр, весьма осторожный в своих заявлениях, отправил Шамуну ответ, что он подтверждает свое желание действовать, но при определенных условиях и что американская интервенция является последним средством⁴⁶. В доказательство серьезности намерений США в Ливан была послана небольшая партия оружия и снаряжения.

На пресс-конференции 14 мая 1958 г. Эйзенхауэр отказался комментировать свои действия в Ливане на том основании, что там сложилась непростая ситуация и что лучшим решением было бы не говорить ничего. В отличие от президента госсекретарь Даллес был бескомпромиссен в отношении арабского национализма. Он обозначил позиции, которые США «должны были защищать», включив сюда помимо Израиля и Ливана нефтяные объекты в Заливе. Даллес назвал арабский национализм инструментом для СССР и абсолютным злом для США⁴⁷.

В мемуарах Эйзенхауэр пишет: «Прежде всего у нас было глубокое убеждение, что коммунисты принципиально ответственны за ливанскую проблему»⁴⁸. Сомнительно, что Эйзенхауэр действительно верил в это. Как сказал Роберт Мэрфи, специальный эмиссар президента по делам Ближнего Востока, «большая часть конфликта касалась личностей и вражды внутреннего характера... Коммунизм не играл прямой или значительной роли в восстании, хотя, без сомнения, коммунисты надеялись получить выгоду от беспорядков. Основными источниками внешнего влияния были Египет и Сирия»⁴⁹. Даллес высказался в таком же ключе: с его точки зрения, Советский Союз мог влиять на ситуацию в стране только посредством радиовещания⁵⁰.

Интересно, что в начале 1958 г. от советского разведчика Кима Филби была получена информация о том, что в СНБ США разработан секретный документ № 5401 «Ликвидация нефтяных источников на Ближнем Востоке»⁵¹. В нем излагались планы полного уничтожения арабских нефтяных промыслов в случае «вторжения русских», исполнение которых возлагалось на американские вооруженные силы и ЦРУ. Ливан же рассматривался как наиболее удобный плацдарм для осуществления прямого военного вмешательства, поскольку принял доктрину Эйзенхауэра.

Ливанское правительство, не ограничиваясь просьбой о военной помощи к правительствам западных стран, 21 мая обратилось в Арабскую Лигу, а 22 мая — в Совет Безопасности ООН с жалобой на вмешательство во внутренние дела Ливана со стороны ОАР. Генеральный секретарь Арабской Лиги попросил генераль-

⁴⁵ Ближневосточный конфликт, т. 2, док. 55.

⁴⁶ *Eisenhower D. Waging Peace: The White House Years 1956—1961.* Garden City (NY), 1965, p. 266—267.

⁴⁷ Declassified Documents Quarterly Catalogs, Memorandum of Conference with the President, 23 July 1958, v. 8, № 1 (January — March 1982), № 00341.

⁴⁸ *Eisenhower D. Waging Peace, 1956—1961,* p. 266.

⁴⁹ *Murphy R. Diplomat among Warriors.* Garden City, 1964, p. 404, 492.

⁵⁰ Declassified Documents Reference System, Microfilm Collection, Department of State Memorandum of Conversations with the President, 15 June, 1958, (81) / 371-B.

⁵¹ *Медведко Л. И., Медведко С. Л.* Указ. соч., с. 139.

ного секретаря ООН отложить решение ливанского вопроса на основании статьи 52 Устава ООН.

Первая встреча совета Арабской Лиги происходила в Бенгазе 31 мая. Всего было проведено шесть сессий. С точки зрения одного из видных политических деятелей Судана, активного участника этих событий Мухаммеда Ахмеда Махуба, Арабская Лига предложила замечательную резолюцию⁵². Египет не мог голосовать по статье 6 Арабской Лиги, которая гласила, что во внутреннем конфликте стран — участников Лиги мнение государства, напавшего на другое, при голосовании не учитывается. 6 июня состоялось последнее заседание Лиги, и Ливан отверг резолюцию, объявив, что не заберет своей жалобы из ООН.

В тот же день Совет Безопасности ООН приступил к рассмотрению жалобы Ливана. США настаивали на том, что прокоммунистические силы спровоцировали конфликт, Советский Союз, поддерживая Каир, обвинял западные державы, прежде всего США, во вмешательстве во внутренние дела Ливана. Как бы то ни было, Совет Безопасности выразил свою озабоченность ливанским конфликтом.

11 июля Совет Безопасности назначил группу наблюдения из представителей нейтральных стран для исследования ситуации. Эта группа оставалась в Ливане до декабря и никакого вмешательства Сирии или Египта не обнаружила. Шамун и его сторонники осудили команду ООН, заявив, что она проводила время на пляжах в обществе красивых палестинских девушек⁵³.

Между тем гражданская война уже охватила весь северный и северо-восточный Ливан, а вскоре и южные районы страны. Вероятно, она могла бы прекратиться, если бы президент согласился уступить свой пост преемнику. Это подтверждается тем, что лидеры восстания не хотели быть полностью под покровительством Насера (хотя и приветствовали его поддержку), ни, тем более, под покровительством непонятного для них коммунистического СССР. Чтобы охладить ситуацию, Шамун заявил, что снова переизбираться не будет, что подтвердило и правительство, однако оппозиция требовала немедленной отставки президента.

Очень важно отметить, что такие проблемы, как личностный фактор, клановость Ливана, растущая роль мусульманской, друзской и христианской оппозиций, ослабление поддержки Шамуна даже в маронитских кругах, фальсификация выборов, были подробно рассмотрены в докладах посольства США, которые регулярно отсылались в Вашингтон⁵⁴. В докладе Государственного департамента от 25 июня 1958 г. говорилось о том, что Шамун действительно планировал уйти с поста президента во время следующих выборов.

В апреле, мае и июне 1958 г. обмен мнениями между чиновниками Белого дома, Государственного департамента, ЦРУ, военных ведомств, посольств США в Ливане и других странах свидетельствовал о высоком уровне беспокойства в Вашингтоне. Вопросов было много. Действительно ли в Ливане идет гражданская война? Кто был ее зачинщиком? Зависим ли он от внешних сил? Какова будущая роль США? Нужна ли военная интервенция? Какова будет ее цена? Братья Даллесы безоговорочно поддерживали Шамуна, президент был менее сентиментально настроен к ливанскому руководителю, выражал сомнения общего характера о Ливане, его политической системе, руководстве и последствиях военной интервенции. Конгресс США оправдывал интервенцию⁵⁵.

Щекотливый вопрос о том, как придать законный характер интервенции, стал предметом жарких дискуссий в Вашингтоне. Даллес подчеркивал, что, хотя Конгресс и дал президенту большие права по доктрине Эйзенхауэра, Соединенные Штаты не будут применять силу, пока не последует соответствующее обращение

⁵² *Mahgoub M. A. Democracy on Trial. Reflections on Arab and African Politics.* London, 1974, p. 95.

⁵³ *Gordon D. C. Lebanon. The Fragmented Nation.* London, 1980, p. 54.

⁵⁴ Declassified Documents Reference System, Microfilm Collection, McClintock to Dulles, April 14, April 18, April 22, June 18, June 21, 1958.

⁵⁵ Declassified Documents Reference System, Microfilm Collection, p. 397.

от законного правительства⁵⁶. Вместе с тем он сказал, что если США не придут на помощь Шамуну, то «это будет означать конец всех прозападных правительств в регионе».

Эйзенхауэр рассматривал проблему интервенции не только в плане ее легализации, а в плане политики США в регионе в целом, в частности, ввода войск. В Конгрессе президента обвиняли в том, что он озабочен лишь «сохранением ливанской независимости», как это называли чиновники администрации и что являлось синонимом сохранения такого политического руководства, которое гарантировало бы проамериканскую политику. Президент выражал беспокойство и потому, что интервенция США могла повторить авантюру Англии и Франции в Суэце⁵⁷.

Проблема Ливана, по мнению президента США, заключалась в отсутствии «сильного лидера, которого мы могли бы поддерживать. В противном случае нам придется совершить интервенцию, чтобы спасти страну; и все же страна — это народ, а народ не хочет нашей интервенции»⁵⁸. Таким образом, Эйзенхауэр пессимистически относился к ливанскому руководству и советовал послу США в Ливане найти «любого действенного лидера в Ливане, который мог бы стать опорой для США и который получал бы от нас помощь»⁵⁹. Директор ЦРУ заявлял прямо противоположное, считая, что Шамун — самый сильный из современных лидеров, по крайней мере оказывающий влияние на арабский мир в целом⁶⁰.

Даллес телеграфировал в Бейрут о том, что, по его сведениям, интервенцию США ливанцы не поддерживают, что она наверняка вызовет серьезную борьбу конфессий и послужит поводом к территориальному расчленению Ливана⁶¹. Его доводы представляют особый интерес, так как иллюстрируют понимание госсекретарем того, чем интервенция грозила Ливану. В своей телеграмме посол США в Бейруте лишь подтвердил мнение Даллеса, но отметил, что американская военная интервенция будет приветствоваться всеми христианами⁶².

Телеграммы, коммюнике, меморандумы, телефонные разговоры свидетельствуют, что в Вашингтоне тщательно отслеживали события в Ливане, понимали суть внутренней ситуации, в том числе природу гражданской войны, а также возможные последствия действий США в стране.

Тем временем посол США Р. Маклинток и Р. Мэрфи встречались с представителями ливанской оппозиции, в частности с маронитами. Мэрфи, которого и Эйзенхауэр, и Даллес считали одним из лучших эмиссаров, не верил в возможности Шамуна удержаться у власти и полагал, что «армия, несмотря на свою неустойчивость», являет собой «единственный элемент, удерживающий правительство». Мэрфи сделал заключение, что если Шамун будет и далее проводить свою политику, то это приведет к «разделению армии пополам». Мэрфи также отмечал, что дипломаты и военные США «пришли к общему мнению, что в целом конфликт касается личностей и противоречий, имеющих внутреннюю природу, и не относится к международному вопросу»⁶³.

Значительно меньше внимания уделялось донесениям посла Маклинтока, казавшимся оппозиции и сложной сущности ливанского конфликта. Непосредственно перед высадкой американских войск Маклинток предупреждал, что американ-

⁵⁶ The Department of State Bulletin, June 9, 1958.

⁵⁷ Declassified Documents Quarterly Catalogs, Memorandum of Conservation, 15 June 1958, v. 7, № 3 (July — September 1981), p. 371-B.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibid., Memorandum of Conference with the President, 15 June 1958, v. 8, № 1 (January — March 1982), № 00337, p. 56.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid., Telegram from Dulles to US Embassy in Beirut, 19 June 1958, v. 8, № 2 (April — June 1977), p. 34-C.

⁶² Declassified Documents Reference System, Microfilm Collection, Unsigned (McClin-tock?) to Dulles, June 23, 1958.

⁶³ Murphy R. Op. cit., p. 400, 407—408, 487—488, 492.

ская интервенция может вызвать сопротивление и привести к тому, что армия встанет на сторону оппозиции. Вашингтон не отреагировал на эту информацию⁶⁴.

Представляет особый интерес документ, посланный в Вашингтон поверенным в делах США Л. Р. Хигсом, где говорится о причинах ливанской гражданской войны. Белый дом фактически проигнорировал этот документ, хотя Хигс, очевидно, придавал своему заявлению первостепенное значение как «одному из основных документов о ливанской революции», которому не было равных по «описанию и анализу жалоб и целей мусульманской оппозиции»⁶⁵. Так, он переслал в Вашингтон текст хорошо известного обращения к ливанскому парламенту депутата г. Триполи Надима аль-Джисра и свои комментарии к нему. Он убеждал своих читателей не обращать внимания на язык, который мог показаться обидным, а воспринимать саму суть текста, его историческую и политическую правдивость. В этом материале анализировались глубинные корни конфликта, упорно сводившегося политиками Вашингтона и окружением Шамуна к персонификации политики и вмешательству внешних сил. Был сделан критический анализ религиозной политики, а также выдвинуты рекомендации для проведения реформ. Сдержанный меморандум Хигса, сопровождавший этот текст, не оказал, однако, должного влияния на политиков, по крайней мере по вопросу об интервенции.

К концу июня 1958 г. успех, достигнутый силами оппозиции на территории Ливана, обеспокоил политиков США до такой степени, что интервенция стала делом времени.

Революция 14 июля 1958 г. в Ираке по-новому осветила события в Ливане. Иракский режим долго служил символом прозападной ориентации и моделью «умеренности» в бурном регионе Ближнего Востока; его падение вызвало страх у всех «умеренных» правительств, в особенности Иордании, Саудовской Аравии и Ливана. В Ливане этот страх обострялся в связи с гражданской войной и шатким положением правительства. Развитие событий в стране предвещало победу патриотических сил, которые контролировали примерно две трети территории страны. В более широком масштабе существовали опасения по поводу влияния революции на арабо-израильский конфликт и престиж США в регионе и за его пределами.

В тот же день правительство Ливана обратилось в Вашингтон с просьбой о высадке американских войск, тем самым окончательно придав внутреннему конфликту международное звучание.

По сообщению советского посла в Ливане С. Киктева, когда ливанское правительство еще только обсуждало вопрос об обращении к США с подобной просьбой, корабли Шестого флота уже входили в порт Бейрута. В ливанской газете «Жур» сообщалось, что еще до обсуждения этого вопроса кабинетом Малик потребовал американского вмешательства в Ливане и таким образом члены правительства были поставлены перед свершившимся фактом⁶⁶.

План, еще осенью 1957 г. получивший название «Blue Bat», с некоторыми изменениями и дополнениями был принят к исполнению 15 июля в 15:00 по ливанскому времени. Американский десант должен был захватить только аэродром и столицу, хотя первоначальный план предусматривал более масштабную операцию⁶⁷. Кроме того, Эйзенхауэр решил не предлагать англичанам участвовать в интервенции. Первоначально их участие тоже являлось частью плана.

Иракская революция отразилась и на событиях в Иордании. Король Хусейн объявил себя главой Ирако-Иорданской Федерации вместо низложенного короля Фейсала. Опираясь на международный закон, согласно которому глава суверенного государства может просить помощи у другого государства в ситуации угрозы

⁶⁴ *Thayer Ch. W. Diplomats*. New York, 1959, p. 29—30.

⁶⁵ Declassified Documents Quarterly Catalogs, Telegram № 4006 Sent from US Embassy Beirut to Department of State, 18 May 1958, p. 65-E.

⁶⁶ Ближневосточный конфликт, т. 2, док. 84.

⁶⁷ *Eisenhower D. Waging Peace*, 1956—1961, p. 272.

независимости страны, Хусейн 16 июля обратился с такой просьбой к США и Великобритании.

Вашингтон, который должен был ответить на просьбу сразу двух правительств, отказался посылать свои войска в Иорданию. Причиной отказа явилась необходимость передачи вопроса в Конгресс, а его заседания не планировались в ближайшем будущем⁶⁸. США, однако, согласились помочь Иордании в обеспечении воздушных перевозок и урегулировании проблемы с израильским правительством, чье согласие требовалось для перелетов в Амман. К вечеру 17 июля два батальона английской 16-й парашютной независимой бригады вместе с соединениями поддержки высадились в аэропорту Аммана.

Операция «Blue Bat» стала первой воздушно-десантной операцией США мирного времени, самой массовой демонстрацией военной силы перед вьетнамской войной и первой такого рода операцией на Ближнем Востоке. Количество американских войск в Ливане к 5 августа 1958 г. составляло 14 тыс. 300 человек. На Ближнем Востоке базировались также 1 тыс. самолетов, 120 боевых и десантных кораблей. Американское командование объявило, что части американских войск, введенных в Ливан, снабжены атомным оружием.

Значимость самой операции по высадке десанта определяется исследователями по-разному. Существуют такие легкомысленные высказывания, как, например: «Шестой флот США высадился на ливанские пляжи, где занимался не более чем покупкой кока-колы у полных энтузиазма ливанских торговцев»⁶⁹. Однако есть и серьезные исследования, где дается оценка последствиям высадки американских войск. Так, И. Пенроуз считает, что американцы использовали возможность высадить войска, дабы проверить свои силы, хотя ситуация в Ливане и не требовала применения таких радикальных мер. И, с его точки зрения, Советский Союз стал наращивать свои воздушные, а также военно-морские силы именно благодаря успешной операции США в Бейруте.

31 июля 1958 г. большинством голосов президентом Ливана был избран генерал Шихаб. После соглашения между ведущими ливанскими политическими фигурами и при посредничестве Вашингтона он сформировал новый кабинет «Национального спасения» с девизом «Нет победителей, нет побежденных». В него вошли Джумаил, Раймонд Эдде, Хусейн Квайни и Караме. Кабинет получил полную поддержку парламента.

В конце сентября 1958 г. США вновь воспользовались обострением внутриполитической обстановки в Ливане, когда сторонники Шамуна, воодушевленные американской поддержкой, спровоцировали вооруженные столкновения с армией, пытаясь организовать антиправительственный путч. Американцы предложили свое посредничество в переговорах между новым правительством и оппозицией. Однако и в начале октября внутриливанский конфликт не прекратился, чего и добивались США, чтобы вопреки решению Генеральной Ассамблеи ООН пролонгировать присутствие своих войск в Ливане. По словам Р. Караме, правительство было вынуждено подать в отставку под давлением США⁷⁰.

Соединенные Штаты вывели свои войска из Ливана в конце октября 1958 г. 16 ноября ливанский премьер-министр попросил Совет Безопасности ООН «изъять из списка дел... жалобу Ливана, представленную на рассмотрение 22 мая 1958 г.»⁷¹ Официальный Ливан подчеркивал также свои «братские» отношения с ОАР согласно пакту Арабской Лиги и Уставу ООН.

По мнению Е. М. Примакова, США определились со сроком эвакуации из Ливана после того, как Насер встретился на сирийско-ливанской границе в Шторе с президентом Шихабом, предварительно приказав «своим» не снабжать оружием и

⁶⁸ Ibid., p. 279.

⁶⁹ Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa. New York, 1968, p. 135.

⁷⁰ Медведко Л. И., Медведко С. Л. Указ. соч., с. 143.

⁷¹ Security Council Official Records, Washington, 13th year 840th Meeting, 25 November, 1958, p. 5.

деньгами просирийские силы в Ливане. Кроме того, США возобновили поставки в ОАР пшеницы по программе гуманитарной помощи⁷².

* * *

Гражданская война в Ливане, закончившаяся к концу 1958 г., унесла жизни 3 тыс. человек, ударила по экономике страны и выявила зыбкость позиций ливанских лидеров, особенно среди маронитов. Роль Соединенных Штатов в событиях в Ливане трудно приуменьшить. Вашингтон принял живейшее участие в решении уже самых первых проблем, возникших у президента Камиля Шамуна. США предоставили Ливану помощь по доктрине Эйзенхауэра, таким образом ливанское правительство «было награждено американским оружием и деньгами, но за это столкнулось с возрастающим протестом и осуждением в обществе. Американская помощь явилась последней возможностью для К. Шамуна остаться президентом страны, находившейся уже в состоянии брожения, и именно она подтолкнула дремлющие дотоле силы к открытому вооруженному восстанию, которое погрузило Ливан в анархию, начавшуюся в мае 1958 г.»⁷³

Д. Стюарт, журналист и новеллист, писал, что, с его точки зрения, революция против Шамуна была первой «длительной», народной, демократической революцией в арабском мире, а американская интервенция — верхом глупости, идентифицировав Запад с реакцией и представив христиан «антиарабами»⁷⁴. Надо отметить, что отнюдь не все американские официальные лица приветствовали высадку американских войск в Ливане. Против высказывалась группа сенаторов-демократов: Хэмфри, Мэнсфилд, Спаркман, Морзе. Сенатор Фулбрайт заявил в частной беседе, что решение Эйзенхауэра было непродуманным, принятым в гневе, под влиянием момента и под сильным давлением со стороны Джона и Алена Даллесов⁷⁵.

Интервенция США и постоянное вмешательство во внутренние дела Ливана в целом не только усугубили противоречия между мусульманами и христианами, чей политический консенсус был весьма хрупок, но и противопоставили Ливан другим арабским странам, обострили отношения между прогрессивными и консервативными силами. Несмотря на детальное изучение официальными лицами США обстановки в Ливане, внутренних противоречий и социально-политических тенденций развития страны, данная информация учтена не была. Эта «эмпирика» (и, надо отдать должное, американцы в ней сильны) не доводилась до сведения общественности, поскольку тогда стал бы известен высокий процент риска интервенции для самого Ливана. Кстати говоря, Даллес в документах для узкого круга читателей отмечал, что интервенция могла «вызвать серьезную борьбу конфессий в Ливане и стимулировать местные тенденции к конечному территориальному расчленению или усечению страны»⁷⁶. И в Бейруте подтверждали эту позицию. Как было сказано выше, президент США понимал, что «народ не хочет интервенции», но этому была противопоставлена другая формула — «а христиане хотят». Таким образом, христиан представили как врагов арабов. Хотя имелся детальный и очень точный материал, собранный различными службами, вся борьба в Ливане была сведена к вопросу о персонификации политики и вмешательстве внешних сил.

Большинство исследователей по Ближнему Востоку считает, что интервенция США стабилизировала ситуацию в Ливане и позволила покончить с гражданской

⁷² *Примаков Е. М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами, с. 56—57.

⁷³ *Kerr M.* The Arab Cold War 1958—1964. A Study of Ideology in Politics. London, 1965, p. 6.

⁷⁴ *Steward D.* Turmoil in Beirut: A Personal Account. London, 1958.

⁷⁵ Ближневосточный конфликт, т. 2, док. 88.

⁷⁶ Declassified Documents Quarterly Catalogs, Telegram from Dulles to US Embassy in Beirut, 19 June 1958, v. 8, № 2 (April — June 1977), p. 134-C.

войной⁷⁷. Существует даже такое мнение: «Интервенция Соединенных Штатов привела к окончанию вражды, восстановлению секторного баланса посредством нейтрализации противоположных факторов и остановила интервенцию ОАР»⁷⁸. Однако с нашей точки зрения интервенция не стабилизировала, а законсервировала социально-политическую ситуацию.

Американская интервенция в Ливане 1958 г. являлась составной частью военных акций США по подавлению национально-освободительной борьбы арабских народов. Истинной ее целью было подавление вооруженного восстания ливанского народа против политики президента Шамуна, рассчитывавшего сохранить свой режим с помощью США, и создание плацдарма для нападения на Ирак, где 14 июля 1958 г. произошла антифеодальная, антиимпериалистическая революция.

Интервенция США в Ливане осуществлялась параллельно с английской интервенцией в Иордании и была связана с ней единством политических задач. Крах тройственной агрессии в зоне Суэцкого канала, кризис Багдадского пакта в результате революции в Ираке и образование ОАР способствовали консолидации антиимпериалистического фронта арабских стран, в том числе в Ливане.

Военное вмешательство США не спасло режима Шамуна. В сентябре 1958 г., опираясь на поддержку масс, президентом страны стал Фуад Шихаб, а правительство возглавил Рашид Караме — один из руководителей восстания. Американская интервенция была осуждена многими странами мира. Чрезвычайная сессия ООН единогласно приняла резолюцию о выводе американских войск из Ливана. В сентябре правительство Рашида Караме, сформированное 24 сентября, потребовало от США вывода войск. 25 октября 1958 г. под давлением миролюбивых сил всего мира США вынуждены были вывести свои войска из Ливана.

⁷⁷ Yapp M. E. *The Near East since the First World War*. London, 1991; Williams A. *Op. cit.*; Penrose E., Iraq E. F. *Op. cit.*

⁷⁸ Sharabi H. B. *Nationalism and Revolution in the Arab World*. New York, 1966, p. 77.